

А.Б. Гулярян
Орловский государственный
аграрный университет

ПРИНЦИП «ИЗБЫТОЧНОСТИ» КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ СИСТЕМ)

*Особенности развития русского языка
на рубеже XX—XXI вв.*

В годы Второй мировой войны остро стоял вопрос о надежности собственных шифров и о расшифровывании вражеских криптограмм. В США математик Клод Шелдон подготовил секретный доклад «Математическая теория криптографии». После войны на основе доклада была написана книга Шелдона «Теория связи в секретных системах».

Среди других понятий, которыми оперирует Клод Шелдон, встречается «избыточность языка». Смысл его состоит в том, что не каждое сочетание букв образует слово. Одни буквы и буквенные сочетания употребляются очень часто, например, “th”, “ee”, “gh”, “oo” в английском языке, “eu”, “ie”, “oe” в голландском, “oi”, “ou” во французском; другие — гораздо реже — “sh” в английском; третьи вообще не употребляются — “ht” в английском. Но кроме законов фонетики, лексики и морфологии есть еще законы грамматики, требующие согласования времен, падежей и чисел. Все это накладывает на язык множество запретов, и тем самым создается “избыточность” языка.

Лингвисты определили величину избыточности в самых разных языках мира. И везде она колеблется в пределах 70–80 %. То есть в любом тексте 2/3 букв не несут в себе новой информации для образованного человека. Поэтому от избыточной информации избавляются при каждом удобном случае, например, в телеграммах исключают служебные и второстепенные слова. А компьютер вообще общается со своим пользователем набором готовых клише.

Все вышеизложенное можно полностью применить к кириллице — древнеславянскому алфавиту, созданному, по преданию, святыми Кириллом (827—869 гг.) и Мефодием (815—885 гг.). В классическом болгарском варианте кириллица насчитывает 43 буквы (в моравском — 38). Из них 25 — греческого уставного письма, остальные 18 — для выражения звуков славянской речи. При этом для передачи 10 гласных звуков использовались 16 букв (включая йотованные), для 26 согласных — 20 [Иванов, 1983: 90–91.]. Все это выглядит весьма сложным и избыточным, если отвлечься от потребностей христианского богослужения.

Для того чтобы в этом убедиться, нужно открыть «Азбуковник» XVI в. и прочитать только одно правило: «Везде пиши пса ПОКОЕМ (то есть через П а не ПСЯМИ, (то есть через) кое общение псу со псалмом?» [Успенский, 1979: 29]. Такое правило мог придумать только средневековый православный книжник, с трепетом относившийся к Священному писанию. Для средневековых людей мир был Текстом. Историк науки В.С.Рабинович определял культуру Сред-

них веков «как культуру текста, как комментаторскую культуру, в которой слово — ее начало и конец, все ее содержание» [Рабинович, 1979: 269]. Этому утверждению вторит профессор Н.Б. Мечковская: «Книжные люди средневековья искали в слове ключ к познанию тайн бытия, записанных в священных текстах» [Мечковская, 1998: 70]. Академик Д.С. Лихачев, рассказывая о болгарском книжнике XV в. **Константине Костенечском**, подчеркивал, что книжник видел в орфографии проблемы вероисповедальной важности и относился к ошибке при письме как к ереси.

Русские книжники унаследовали некоторые правила и приемы правописания из Византии и Болгарии и на их основе создали новые, что предопределило развитие определенной культуры мышления, которую К.Н. Леонтьев назвал «византизмом» [Леонтьев, 2000: 17]. И перед нами сразу выстраивается логика средневековой православной культуры, которая не могла допустить смещения слов простонародных и богослужебных, поскольку была основана на Священном писании. Разумеется, славянам не было нужды в двух буквах, означающих звук [Ф], который встречается только в заимствованных словах. Но как люди православные, они не могли допустить, чтобы одинаково писались слова «Филипп», который есть «Любитель лошадей», и «еофил», что означает «Боголюбивый» [Успенский, 1979: 31]. Подобное смещение происходило в сатирической и еретической литературе, например в «Азбуке о голом и небогатом человеке» [Русская демократическая сатира, 1977: 29].

Таким образом, можно сделать вывод, что кириллица создавалась как сакральный алфавит богослужебных книг, и обслуживал этот алфавит логоцентрическую (от греческого «логос» — слово) по своей природе культуру. Но с этим мешают согласиться широкие распространение грамотности, что доказывается находками берестяных грамот, подписанных вещей, граффити Софии Киевской. Русские люди широко пользовались довольно сложной алфавитной системой для своих бытовых нужд. Советский филолог Л.В. Успенский отмечает в этой связи гениальный характер труда Кирилла и Мефодия: кириллица лучше ложится на фонетический ряд славянской речи, чем латиница — на языки западноевропейских народов.

Но все же затруднение возникло в самой концепции богослужебного славянского алфавита: он должен был, оставаясь сакральным, адекватно передавать славянскую речь. Здесь и кроется главное противоречие. Речь со временем изменяется, эволюционирует, но сакральный алфавит (труд Кирилла и Мефодия уже современниками признавался боговдохновенным) меняться не может. Как экспозиция в фотоаппарате, он зафиксировал состояние языка в определенный момент времени.

Сложные средневековые правила и ограничения мешали развитию светской культуры. Поэтому Петр I провел реформу кириллицы и ввел новый гражданский шрифт. Но мы, живущие в XXI в., воспринимаем сам факт этой реформы отстраненно, академически и не представляем, какой борьбой она сопровождалась. В 1708 г. Петром I из употребления были выведены: четыре ЮСА, ИЖЕ, ЗЕЛО, УК, ОМЕГА, КСИ,

ПСИ и ОТ. Получившаяся в результате азбука получила название амстердамской. Потому что не одна типография в России — ни церковная, ни частная — не взялась ее напечатать. Царская затея вызвала бойкот не только у священнослужителей, но и у купцов. Пришлось печатать тираж новой азбуки за границей, в Амстердаме. И скоро в деловые бумаги пробираются запрещенные буквы, так что в январе 1710 г. Петр I вторично утверждает новую азбуку и вторично отменяет букву ЗЕЛО, изгоняет КСИ и ИЖИЦУ, но последняя просачивается в алфавит и закрепляется там до 1917 г. [Успенский, 1979: 57]. Таким образом, кириллица активно сопротивлялась попыткам упрощения, ибо это могло вызвать необратимые изменения в культуре народа. Еще в начале XX в. кириллица не сдавалась усовершенствованной петровской «гражданке». В церковноприходских школах дети учились по книгам, напечатанным старославянским шрифтом. Точка в двухвековом споре была поставлена в 1918 г., когда были отменены И ДЕСЯТИРИЧНОЕ, ФИТА, ИЖИЦА, ЯТЬ. Всего было выведено из употребления 12 букв, а введены вновь только две: Й и Ё. Но что при этом произошло с русским языком?

И язык, и мышление русского народа изменились: возникла светская культура, светская литература, церковные споры заменились научными дискуссиями. Все это можно только приветствовать. Одновременно с развитием светской культуры нам стал непонятен огромный пласт нашего духовного культурного наследия, ибо утрачены логика, культура мышления, создававшая эту традицию.

Например, великий поэтический памятник Древней Руси «Слово о полку Игореве» — можно читать его бесконечно и восхищаться его поэтичностью и образностью. Но насколько адекватно мы воспринимаем его? Плач Ярославны начинается с фразы: «Полечю зегзицею по Дунаеве». Обычно это переводят: «Полечу кукушкой». Но не кукушкой, а речной дунайской чайкой хочет полететь Ярославна к князю Игорю на «сине море». Но ни Дунай, ни «синее море» не имеют прямого отношения к походу князя Игоря Святославича в степи Придонья. Поэтому Д.С. Лихачев предположил, что «Плач Ярославны» — это произведение неизвестной нам русской поэтессы XII в., которое автор «Слова о полку Игореве» процитировал в более или менее большом отрывке [Лихачев, 1978: 23]. Но плач Ярославны — это и заговор, заклинание, не только песнь любви, но и волшебная помощь любимому.

Заговор того времени — не просто символическая формула, это заряд энергии, сосредоточение желания, воздействие на силы природы — все то, из чего соткан плач Ярославны. Осознавая бесчестие Игоря, она спасает его из плена силой любви и возвращает на родину. Слова плача — как будто пробуждают в Игоре могучую энергию и помогают бежать от врагов [Кайдаш, 1956]. Таким образом, в «Слове о полку Игореве» историческое сознание перемешано со стихией образного мифологического мышления. Здесь уместно привести рассуждение русского фольклориста А.Н. Афанасьева: «Руны и чародейские песни всемогущи: они могут и умертвить, и охранить от смерти, и даже воскресить, сделать больным и здоровым насылая бури, дождь и град, раз-

рывать цепи. Как вой зимних вьюг мертвит и усыпляет природу и как пробуждает ее звуки весенней грозы, так ту же силу получила человеческая песня» [Афанасьев, 1865: 425].

Или возьмем «Поучение Владимира Мономаха своим детям». Великий дипломат и полководец так вспоминает свою охоту: «Тура мя два метала на розех и с конем, олень мя один бол, а два лоси, один ногами топтал, а другой рогома бол... И Бог неврежна мя соблюде.» [Древняя русская литература, 1980: 52]. Какая емкость и образность в этом различии, которое приводит нас князь-охотник! Тур, дикий бык, «метал его на розех» — то есть вздевал на рога и поднимал в воздух. Олень же его «бол», то есть бил рогами прямым таранным ударом. Но в современном языке эта игра слов утеряна — во всех случаях мы говорим «забодал».

Но не только рассмотрение средневековых литературных памятников говорит нам об обеднении языка, но и положение с нашими пословицами и поговорками. Обыкновенно людей во время разговора не договаривать до конца прописные истины приводит к тому, что недоговорки со временем забываются и смысл высказывания изменяется. Такое исключение «избыточной» информации весьма опасно для сознания.

Так, видя, как куражится подвыпивший человек, мы говорим: «Пьяному море по колено...» Получается, что спиртное едва ли не помогает вершить великие дела. И большинство людей даже не догадываются, что это утверждение лишь первая часть русской пословицы, окончание которой все расставляет на свои места: «Пьяному море по колено, а лужа по уши». «Повторение — мать учения» — наставляем мы нерадивых студентов и культивируем тем самым лень ума, ибо это только первая часть латинской пословицы: «Повторение — мать учения и прибежище для лентяев». Говоря «по Сеньке шапка» мы утверждаем, что каков Сенька, такова его шапка: у бизнесмена Сеньки — каракулевый пирожок, а у бомжа Сеньки — рваный треух. Но в полном виде пословица утверждает нечто иное: «По Сеньке — шапка, а по Ерёмке — колпак». Да мало ли таких усеченных нами поговорок: «Не боги горшки обжигают, а те же люди», «Шила в мешке не утаишь, девушку под замком не упрячешь», «Клин клином вышибается, вор вором губится», «От овса кони не рыщут, от добра добра не ищут»...

Исключение избыточной информации — усечение азбуки, недосказанность в словах и выражениях деформирует сознание народа, а значит, его культуру, психологию, поступки. Стоит поставить вопрос: может быть, наши просчеты в экономике и политике от этого? Изменяя язык, можно влиять на человеческое сознание и подсознание в нужную для себя сторону. В современном мире, когда важнейшим фактором развития человеческой цивилизации становится информационный ресурс, слово, как и в Средние века, превращается в политику и технологию. Завершается очередной виток спирали развития человечества. Сегодня военные говорят уже об информационной войне и разрабатывают ее концепции. Война будущего представляется уже не как физическое столкновение на театре военных действий, а изменение сознания истеблишмента вражеской страны в выгодную для себя

сторону. Что и было блестяще осуществлено в недавнем прошлом американским истеблишментом по отношению к советскому истеблишменту.

Современный западный философ Э. Кастельс заметил по этому поводу: «Новая власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают свои решения относительно своих поступков. Центрами такой власти становятся умы людей» [Кастельс, 1999].

Ведя занятия по палеографии со студентами классического университета в Орле, я заметил, что достигаются не только узкопрофессиональные задачи — безошибочное чтение текстов, установление эволюции письма и особенностей почерков, но и изменяется сознание студентов. Чтение древних документов повлияло на меня лично как на человека и ученого, оно меняет также многих моих студентов. Я беру на себя смелость утверждать, что урезанная часть кириллицы, устаревшие слова и выражения, а также грамматические формы древнерусского языка влияют на подсознание, эмоции и чувства, то, что принято сейчас называть модным словом «менталитет». Эта отброшенная реформами языка информация вводила в человека измененное состояние сознания, без чего невозможны ворожба, моление, ведовство. На современном языке нельзя произнести заклинание или заговор, прочитывать молитву. Недаром православная литургия служит на старославянском языке.

Что же происходит при исключении некоторой части избыточности, а проще говоря, при упрощении системы? Высвобождается из-под пресса некоторая часть социальной энергии — поколение, располагающее прежними умениями и навыками, получает новую степень свободы. Но следующие поколения теряют старые умения и навыки, и уровень социально-культурного давления выравнивается.

Полуграмотный (с точки зрения древнерусского церковного образования) Петр I со своими малограмотными помощниками строит великую Российскую империю на месте старого Московского царства. Воспринявшие дух его преобразований «русские европей-

цы» построили великую русскую светскую культуру. Но каждый раз после стремительного броска движение замедлялось или останавливалось.

Но избыточная система успешнее сопротивляется разрушению. Поэтому так долго не сдавалась кириллица Петровской реформе, поэтому отмененные буквы возрождались вновь и вновь.

Великий русский язык так гибок и многообразен! Из его нетленного материала возведены и роскошные дворцы поэзии, и башни философии, и мощные укрепления науки, а также траншеи и лабиринты дипломатии. Любой удар по языку — это удар по российской культуре и по системе безопасности Российского государства.

Разумеется, изменение языка — явление объективное и необходимое. Овладение новыми понятиями, изменение лексической и синтаксической структуры сулит прорыв в новые области знания. Но при этом необходимо бережное отношение к языковому наследию, чтобы это наследие не превратилось для новых поколений в нечто далекое и непонятное.

Литература

- Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865.
Древняя русская литература : хрестоматия. М., 1980.
Иванов В.В. Историческая грамматика древнерусского языка. М. : Просвещение, 1983.
Кайдаш С. «Ярославна рано плачет...» // Наука и религия. 1986. № 3.
Кастельс Э. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
Леонтьев К.Н. Поздняя осень России. М., 2000.
Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени М., 1978.
Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.
Рабинович В.С. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979.
Русская демократическая сатира XVII века. М. : Наука, 1977.
Успенский Л.В. По закону буквы. М., 1979.